

CRIMSON

LEGEND OF THE

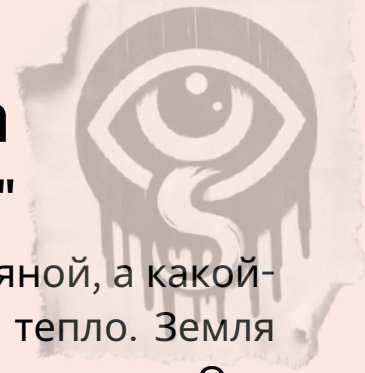
FOREST

Danil Zharuk

Легенда Багряного Леса

Глава 1: "Безымянный среди корней"

Я очнулся. Первое, что почувствовал — это холод. Не ледяной, а какой-то внутренний, как будто что-то вытащило из меня всё тепло. Земля подо мной была странная — не совсем твёрдая, но и не жидкая. Она будто немного пульсировала, как будто жила. Очень странное ощущение.

Я открыл глаза. Надо мной — переплетённые ветки. Но не обычные. Похожие на жилы или корни. Некоторые светились изнутри мягким малиновым светом, другие еле заметно дышали. Между ними текла какая-то багровая жидкость. Непонятно — сок или кровь, но выглядело не по себе.

Я сел. Всё тело ломило. Одежда на мне была рваная, грязная, в какой-то слизи. Голова гудела. Я попытался вспомнить хоть что-то — имя, место, зачем я здесь — пусто. Только смутное чувство тревоги и какое-то внутреннее беспокойство.

Лес вокруг был почти полностью тихий. Ни ветра, ни птиц. Только изредка — лёгкий влажный звук, будто кто-то шлёпает по лужам. Где-то далеко — скрежет или хрип. Непонятно. Слишком глухо, чтобы понять.

Я поднялся. Тело было ватным, но оставаться здесь не хотелось. Просто валяться — точно плохая идея.

Я шёл между странных деревьев. Они были как будто изнутри тела — как из нервов, жил, корней. И при этом всё выглядело... по-своему красиво как это не странно. Малиново-багровый свет. Туман. Тишина. Будто бы не жутко, а просто чуждо.

Некоторые растения двигались, когда я проходил мимо. Не резко, но как будто реагировали. Лес как будто чувствовал меня. Это было даже не страшно — больше странно.

Потом я увидел дерево. Оно сразу выделялось. Широкий, тяжёлый ствол, как у дуба, но покрытый плотной корой, похожей на мясо. А в середине — лицо. Человеческое. Застывшее. Будто кто-то врос в древесину. Рядом валялся кусок ткани. На нём — символ. Кольцо с глазами. Неприятное. Но в голове сразу мелькнуло: «Я это уже видел».

Под деревом лежал обломок кости или чего-то похожего. Я взял его. Было похоже на нож. Острый. Удобный. Пусть будет — мало ли.

Я пошёл дальше. Лес постепенно менялся. Стало чуть светлее. Свет от растений стал мягче, больше малиновым, почти тёплым. Казалось, что сам воздух стал легче. Местами деревья расступались, и впереди проступал мягкий багрово-розовый туман.

Где-то вдали я услышал звук. Не сразу понял, что это. Сначала — просто шум, как будто ветер гуляет между ветвями. Потом — чёткий, ритмичный, глубокий звук. Поток. Вода.

Я ускорился. Этот звук почему-то вызывал спокойствие. И любопытство. Всё вокруг было чужим, непонятным, а вода — это хоть что-то знакомое.

Через несколько минут я вышел к открытой поляне. И застыл.

Передо мной был водопад. Высокий. Только вместо обычной воды с утёса стекала густая, малиново-кровавая жидкость. Она переливалась на свету, почти красиво. Под ней — камни, покрытые багровым мхом. А вокруг — растения, словно тянущиеся к потоку. Они мягко светились, будто купались в этом свете.

Шум воды здесь был громче, но не раздражал.

Я подошёл ближе. Вдохнул. Воздух был влажный, с лёгким металлическим привкусом. Я смотрел на этот водопад и чувствовал... не страх. Что-то другое.

Я присел у воды. Жидкость была странной. Она стекала вниз без брызг, плавно, как густое масло. Я провёл рукой у поверхности, не касаясь — просто наблюдая. Внутри переливались тени. Иногда казалось, что внутри кто-то двигается. Или отражается не то, что есть на самом деле.

На одном из камней прямо у основания водопада что-то лежало. Нечто, похожее на круглый кусок металла. Я подошёл. Это была монета. Потёртая, старинная. На одной стороне — тот же символ, что и на ткани под деревом: кольцо из глаз. На другой — незнакомый профиль.

Я положил монету в карман и огляделся. Место было слишком тихим. Не пустым — именно тихим.

Я остался у водопада ещё на несколько минут. Не из-за страха, а потому что не хотел идти дальше вслепую.

Через несколько минут я увидел фигуру.

На противоположной стороне, за тонкой завесой тумана, стоял человек. Высокий. В тёмном, длинном плаще. Капюшон закрывал лицо, силуэт был расплывчатым, но вполне реальным. Он не двигался. Просто стоял, будто смотрел прямо на меня.

Сердце чуть сжалось. Не от страха — скорее, от того странного ощущения, что меня уже кто-то ждал.

Фигура не сделала ни одного движения. Но в какой-то момент просто развернулась и пошла, скользя по тропе, теряясь среди деревьев и тумана.

Я не думал долго. Поднялся и пошёл вдоль берега, стараясь держать её в поле зрения. Она двигалась неспешно, но так, что невозможно было приблизиться. Каждый раз, когда я почти её нагонял, она скрывалась за деревьями.

Лес здесь был другой. Более густой, но мягче. Свет от растений стал розовее, даже немного тёплым. Мхи под ногами не шуршали, а будто гасили звук шагов. Всё вокруг будто сговаривалось: тишина, мягкий свет, отсутствие звуков — только лёгкое дыхание леса и отдалённый всплеск водопада позади.

Фигура снова появилась впереди. Она стояла у естественного прохода, образованного сплетением деревьев, словно сам лес приоткрыл створки, впуская только её. Плащ её едва колыхался от неслышного ветра, и хотя лица по-прежнему не было видно — в этом молчании, в её неподвижности, было что-то почти театральное. Я остановился.

В груди защемило.

Я вгляделся в фигуру. Силуэт был знакомым. Не из этой жизни — а будто из сна, или даже из множества снов, которые я забывал сразу после пробуждения. Это чувство — видеть кого-то, кто будто бы всегда был рядом, но вне поля зрения.

Я закрыл глаза на миг, пытаюсь вытащить это чувство наружу, и тогда — как вспышка — пришло что-то.

Резкий свет. Стекланные стены. Крик — женский, испуганный, очень близкий. Я дёрнулся, будто что-то тянуло меня назад. Металлический привкус на языке. Голоса. Паника. И — тьма.

Я резко вдохнул и схватился за висок. Голова пульсировала, будто что-то пробилось сквозь плотную завесу забвения, но не до конца. Всё исчезло так же стремительно, как и появилось, оставив после себя только ощущение утраты.

Я открыл глаза. Фигуры уже не было. Только арка из деревьев, подёрнутая багровым туманом, и лёгкий шорох травы. Как будто кто-то прошёл здесь секунду назад, не оставив следов. Только воздух ещё слегка колебался, будто не успел остыть после чьего-то присутствия.

Арка впереди будто становилась всё шире. Я видел, как за ней деревья менялись. Свет — тускло-розовый, багровый, чуть золотистый — колебался, как в воде. Где-то капала влага. Где-то что-то стонало, но уже не угрожающе, а будто в забытом сне.

Я остановился прямо перед входом под арку. Протянул руку. Кора деревьев была тёплая. Почти приятная. Я провёл по ней пальцами — и услышал короткий, тихий звук. Не то чтобы голос, но будто эхо чьей-то мысли. Не моей.

Лес за аркой менялся — становился ниже, плотнее, густой мох покрывал каждую поверхность. И вдалеке, сквозь плавно колышущийся туман, я увидел нечто, чего не ожидал. Деревня.

Маленькие дома, неровные, с покосившимися крышами, сделанными будто из чешуи и трещин. Некоторые выглядели, как будто дышали. Из труб поднимался не дым, а багряный пар. Свет в окнах — мягкий, но странный, неестественно золотистый. И между строениями — люди. Или... не совсем люди.

Фигуры. Они двигались медленно, покачиваясь, словно в танце. У кого-то были вытянутые шеи, как у птиц. У других — слишком большие руки, достигающие почти до земли. Один из них — с лицом, полностью покрытым глазами. Другой — с дырой вместо головы, откуда тянулись клубы розового тумана.

Я замер. Это не выглядело как враждебность. Они не обращали на меня внимания. Будто я был для них частью пейзажа. Или — давно знакомым.

Я подошёл ближе. Сердце билось чаще. Я смотрел на этих существ и ловил ощущение, будто видел их раньше. Может быть, в зеркале. Может быть — в себе самом.

Над всей этой деревней возвышалась гора. А на ней — замок. Большой, как кость, вросшая в скалу. Его стены были тёмно-багровые, с торчащими шпильями, похожими на когти. От него шёл свет. Свет, который тянул. Который звал.

Я стоял на границе между деревьями и первым домом. И знал — мне туда. Сквозь этот мир. Сквозь этих изуродованных людей.

Я сделал шаг вперёд. Под ногами мягко хрустнула почва. Первый дом был ближе, чем казалось. Его стены шевелились. Я прошёл мимо него — никто не вышел, никто не окликнул. Только где-то за занавеской мелькнул силуэт — вытянутый, с перекошенной головой. Я не стал останавливаться.

Улицы деревни петляли. Дома были разной формы — некоторые округлые, как купола, другие вытянутые вверх, будто вытягивались изнутри. Между ними сновали существа, вяло перетекали из одного переулка в другой, не замечая меня. Или делая вид, что не замечают.

Один из них стоял у колодца. Его лицо было гладким, как маска. Белым и блестящим, как фарфор. Он что-то шептал себе под нос. Когда я поравнялся с ним, он вдруг повернулся ко мне и выдал хриплым голосом:

— Заблудившиеся редко возвращаются. Но ты — не такой, да?

Я остановился. Хотел что-то сказать, но он уже отвернулся и снова стал шептать. Я прошёл мимо.

На перекрёстке стояла фигура поменьше — возможно, ребёнок. Но его лицо было перевёрнуто, словно кто-то сдвинул черты вниз. Глаза были на подбородке.

Он держал в руках нечто вроде бумажного змея, но тот был из кожи, и на нём тоже был тот же символ — кольцо из глаз. Я почувствовал в кармане — монету.

Каждое движение в деревне было медленным, неуверенным. Как будто они все существовали в отдельной логике времени.

Я вышел на главную улицу. Там, на возвышенности, начиналась тропа. Каменная, неровная. Она вела вверх, к замку. Я остановился, глядя на шпили вдалеке. Что-то шевельнулось в груди. Словно отклик. Как будто этот путь был уже пройден. Или должен быть пройден.

Я сделал шаг вперёд, и тут почувствовал лёгкое движение воздуха позади. Что-то мелькнуло сбоку. Я резко обернулся — но никого. Только шорох. Затем — чьи-то пальцы мягко коснулись моего плеча.

Я дёрнулся, но тут же почувствовал резкий рывок. Меня потянули назад, в сторону. Ноги сами заскользили по земле, будто подо мной исчезло сопротивление. Я хотел закричать, вырваться, но движения были сдержаны — словно лес сам держал меня.

Когда всё остановилось, я тяжело дышал. Меня втащили в узкий переулок между двумя домами. Почти двор. В центре — скамья, вырезанная из тёмного дерева. Странно чистая. Там уже стояла фигура в плаще. Она ждала.

— Ты ведь хочешь знать, где ты, — голос был женским. Тихим. Без эмоций. Но не пустым. — И кто ты.

Я кивнул. Слова застряли в горле. Она чуть наклонилась вперёд.

— Сюда приходят не за тем, чтобы понять. А чтобы вспомнить, — сказала она. — И это не всегда одно и то же.

Я молчал. Не знал, что сказать. Вопросы толпились в голове, но язык будто слипся.

Она встала. Повернулась к тропе, уходящей в туман между деревьями. Не сказав ни слова, она шагнула туда, где свет исчезал в густом воздухе.

Я остался один.

Я смотрел ей вслед, пока свет совсем не поглотил её очертания, и лишь тогда заметил, как вокруг всё стало тише. Не просто тихо — а так, будто само время замерло.

Я сделал шаг назад. Потом ещё один. Повернулся, чтобы вернуться на главную тропу... и услышал.

Сначала — лёгкое дрожание земли. Как будто что-то тяжёлое ползло под поверхностью. Потом — шорох, хруст, прерывистое дыхание. Я замер. Это не было похоже на очередную иллюзию или странность этого мира. Это было ближе. Реальнее.

Из тумана впереди — того самого, куда ушла фигура — вынырнуло нечто. Длинное. Многоногое. Багрово-чёрное. Его тело извивалось, словно из живых вен, мускулов и чего-то более густого, вязкого.

Оно двигалось низко к земле, оставляя за собой след из слизи и тлеющей пыли.

Кровавый ползун.

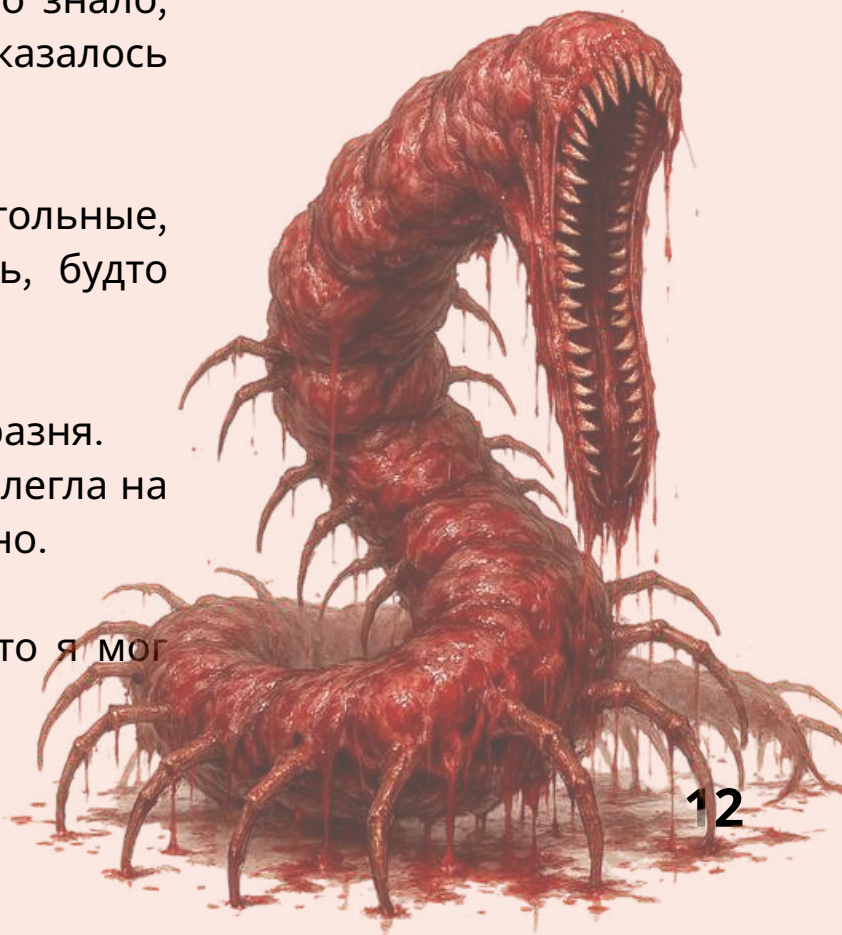
У существа не было глаз. Но оно знало, где я. Его "голова", или то, что казалось передом, повернулась ко мне.

Там были зубы. Много. Треугольные, узкие, как иглы. Они двигались, будто дышали.

Существо остановилось, будто дразня. Я попятился. Рука инстинктивно легла на кость-нож в кармане. Смехотворно.

Он выглядел острым, да, но... что я мог бы сделать им против этого?

Blood Crawler

Ползун дёрнулся. Резко, как щелчок. Его тело выгнулось, издав чавкающий, влажный звук. Он бросился вперёд — не напрямую, а зигзагами, ломая собой поверхность земли, вспарывая мхи и вытаскивая наружу слизистые корни. С каждой секундой расстояние между нами сокращалось.

Я развернулся и побежал. Домики деревни промелькивали по бокам, искажённые, дрожащие. Фигуры не двигались. Никто не обращал внимания. Они будто были заморожены во времени. Или просто не хотели вмешиваться.

Ползун издавал звук, похожий на стон из глотки, полной крови. Он не гнался вслепую. Он знал путь. Он знал меня.

Я выскочил на заднюю улицу деревни, нырнул под арку из сросшихся деревьев, споткнулся, чуть не упал. Дыхание сбилось. Где-то рядом — всплеск. Ползун врезался в стену одного из домов, и она дрогнула, как ткань. Дом отреагировал — застонал, стены его задрожали, и слизь потекла по оконным проёмам.

Я завернул за угол. Передо мной — тупик. Переулок упёрся в высокую плотную изгородь из корней. Они дышали. Слегка открывались и закрывались, как жабры.

Я повернулся, готовясь к последнему рывку... и Ползун уже был там. Он приподнялся. Его тело сжалось и стало выше. Он выглядел теперь как башня из живой плоти. Его "лицо" раскрылось — нечто среднее между пастью и воронкой. Там внутри было движение. Как будто тени прошлого жили в нём.

И что-то внутри дрогнуло.

Ползун — он не просто монстр. Его присутствие вызывало что-то глубже страха. Не объяснение. Не откровение. Только намёк. Как будто я столкнулся с тенью, давно забытой. Или вытесненной.

Я не знал, можно ли это победить. Не знал, сражаться ли вообще. Оно не походило на врага... скорее, на отражение. Знакомое, но искажённое.

И всё же я не убежал.

Я сделал шаг вперёд.

Ползун замер. Его движение сбилось, он начал покачиваться, будто от порыва ветра. Я приблизился. Его пасть чуть прикрылась. Он не исчез, но попятился, растворяясь в тени.

Не потому, что я был сильнее. А потому что не отвернулся, не побоялся. Туман задрожал. Корневая изгородь дрогнула, отступая, открывая путь вперёд.

За ней начиналась старая дорога. Утопанная, но забытая. По бокам — покосившиеся столбы, обвитые виноградной лозой, а вдали — здание вокзала. Пустое, с проваленной крышей, заросшее мхом и диким виноградом, он выглядел так, будто природа пыталась стереть его из памяти.

Я двинулся вперёд, чувствуя, как шум в голове утихает. Каждый шаг отдавался тихим эхом. Не страха — ожидания.

Глава 2: "Платформа Забвения"

Я вышел на платформу, и воздух тут же охладился — словно само время замерло, затаив дыхание. Пыль веков висела в каждом вздохе, смешиваясь с густым запахом влаги и гнили. Под ногами потрескавшаяся плитка, местами покрытая мхом и сухими листьями, словно давняя память, забытая и едва живущая.

Вдоль платформы тянулись рельсы — покрытые ржавчиной и плесенью, изгибающиеся в бесконечность. И там, в красном сумраке, стоял он — поезд, словно живое существо, с телом из ржавого металла, пронизанным прожилками багровой плоти. Его окна — тусклые и мутные, как глаза призрака, а из трубы поднимался густой багровый дым, вязкий и горький, как забытые страхи.

Платформа была пуста, но воздух наполняли шёпоты — голоса из прошлого, забытые воспоминания, затерянные в тени сознания. У моих ног лежали обрывки билетов — один из них с моим именем, выцветшим, словно написанным рукой прошлого. Бумага была хрупкой, но тёплой, словно жила своей жизнью.

Я шагнул в вагон. Внутри воздух был густой, дышащий багровым светом, а стены словно пульсировали, наполненные тенями и звуками. Мелодия, тревожная и знакомая, доносилась из динамиков — словно эхо моего детства, смешанного с болью и потерями.

Поезд медленно застонал, двери за моей спиной мягко захлопнулись. Вагон дрогнул, и я почувствовал, как он тронулся с места. Скрипнули старые рельсы, а багровый свет за окнами начал изменяться.

Внутри вагона было тепло — почти неестественное, влажное тепло, словно здесь дышит сама плоть поезда. Я осмотрелся и заметил, что помимо меня здесь были и другие пассажиры. Их лица казались знакомыми и одновременно чуждыми — тени, сгущённые в образы, которые казались словно взятыми из моего прошлого и настоящего.

Первой я заметил девушку с длинными тёмными волосами, сидевшую в углу, закутавшуюся в старое пальто. В её глазах горел тихий огонь, и что-то в её взгляде отзывалось в глубине моей памяти. Она не говорила, но, казалось, внимательно наблюдала за каждым моим движением.

Рядом сидел мужчина средних лет с усталым взглядом и лёгкой грустью на губах. Он что-то тихо бормотал себе под нос, и его слова казались отрывками из давно забытых разговоров.

В другом конце вагона — еще одна женщина с короткими светлыми волосами и холодным взглядом.

Я встал и направился к кабине машиниста, чувствуя нарастающее странное напряжение. Дверь была приоткрыта, и за ней не было никого — ни водителя, ни механика. Кабина была пуста, но приборы мерцали тусклым светом, словно живые глаза.

Вдруг я осознал: здесь нет никого, кто ведёт этот поезд. Он едет сам — по моим мыслям, моим воспоминаниям, моим страхам.

Я сделал шаг внутрь. Стук колёс не прекратился, но изменился — теперь он звучал не снаружи, а внутри меня. Казалось, каждое движение состава отзывалось в рёбрах глухим эхом. Панель приборов слегка подрагивала, как грудная клетка, ловящая дыхание во сне.

Место машиниста не было обычным креслом. Оно больше напоминало каменное ложе, обтянутое тканью, похожей на пергамент и кожу одновременно. Я не решился сесть. Вместо этого провёл пальцами по панели — она была тёплой.

За окнами кабины проносились искажённые пейзажи: леса, в которых деревья извивались, как позвоночники; разрушенные здания, сложенные не из кирпича, а из предметов — книг, фотографий, масок.

Вдруг я обернулся — и вздрогнул.

Все трое пассажиров стояли в проходе, глядя на меня. Ни один не произнёс ни слова, но их присутствие казалось обвиняющим. Они не приближались, но я чувствовал, как их взгляды пронзают меня.

— Ты думал, что ты — пассажир, — сказала женщина с короткими волосами.

Мужчина, подошёл ближе и кивнул на приборы:

— Смотри внимательно. Всё, что ты увидишь впереди — ты уже видел. Только раньше отворачивался.

Поезд замедлился. Не до полной остановки — но словно подошёл к границе чего-то. Свет за окнами сменился на густой серый, почти меловой. Туман вился змейкой вдоль земли, а за ним — не станция, а нечто большее. Пространство, вытянутое вглубь.

— Станция близко, — сказала девушка с тёмными волосами. — Тебе лучше быть честным. С ней. С собой.

— С кем? — хрипло спросил я.

Ответа не было. Лишь лёгкий скрип тормозов и щелчок, как будто открылась дверь вагона.

Я вернулся в проход и медленно пошёл вперёд. За стеклом — платформа, залитая рассеянным светом, серо-жёлтым, будто из старой фотографии. Тени скользили между скамейками. На дальнем конце платформы — высокая фигура, закутанная в тень. Она не двигалась, но ждала.

Я не знал, кто она. Но чувствовал, что встреча — неизбежна.

Я спустился по ступенькам на хрупкий бетон, дрожащий под ногами, и сделал первый шаг вглубь остановки этого пути.

Платформа простиралась дальше, чем казалась с поезда. Она будто вытягивалась с каждым моим шагом, исчезая в тумане, не позволяя разглядеть её конца. Шум поезда стих позади, сменившись тишиной, в которой слышался лишь собственный пульс.

Фигура в тени всё ещё стояла, но теперь казалась ближе. При каждом моём движении она как будто приближалась, хотя и не делала ни шага. Я остановился, когда до неё осталось не более десяти шагов.

Она медленно подняла голову, и я впервые увидел её лицо. Это был старик — с тонким, изрезанным морщинами лицом, глазами выцветшими, как старое стекло. Его взгляд не был враждебным, скорее... уставшим. Он был одет в серое, потёртое пальто, ворот которого скрывал шею. На голове — шапка, как у рабочих на старых фотографиях. Он напоминал кого-то. Может быть, соседа из детства.

— Долго ждал? — спросил я, и сам удивился, что задал такой вопрос и как спокойно это прозвучало.

— Нет, — ответил он.

— Здесь время не ходит. Оно сидит и смотрит. Я хотел спросить, кто он. Но он уже говорил:

— Сюда приходят, когда теряют. И когда боятся признать, что потеряли. Неважно что. Важно — почему.

Он медленно повернулся, и жестом предложил мне следовать за ним. Я не сопротивлялся. Мы прошли под арку, покрытую трещинами и мхом, и оказались в другом пространстве — комнате, похожей на чердак.

Низкий потолок, пыльный воздух, свет из единственного окна, завешенного тонкой тканью. Всё вокруг будто застыло — детская кровать, игрушки на полу, старые книги. Я не сразу понял: это было моё. Мой старый дом. Или его отражение.

Старик сел на табурет у стены и посмотрел на меня:

— Ты же помнишь, что здесь произошло?

Я не ответил. Но воспоминание уже разрывалось изнутри. Оно ещё не появилось полностью — но я уже знал: оно будет больным.

— Это первая дверь, — сказал он. — Дальше будет хуже. Но и чище.

Я сделал шаг вперёд. Комната задрожала.

Внезапно воздух потемнел — свет не исчез, но сама атмосфера стала гуще, плотнее. Предметы в комнате слегка исказились: углы склонились внутрь, будто комната собиралась замкнуться на себе. Книги на полках начали дрожать, страницы сами переворачивались, как будто ветер воспоминаний оживлял их.

Из-под кровати выкатился старый мяч, его поверхность облупилась, но надпись всё ещё читалась — какое-то имя. Детское, забытое.

Я медленно присел, коснулся мяча. Он был холодным. От прикосновения по комнате прошла рябь, как по воде. На стене проступило изображение — сначала едва различимое, будто мокрое пятно. Потом — всё отчётливее: фигура женщины. Я не знал кто она. Лицо её колебалось, расплываясь между образами.

— Ты её забыл, — тихо сказал старик. — Потому что было больно помнить.

— Кто она? — выдавил я.

Он не ответил. Лишь указал на окно. Там, за тонкой тканью, мир больше не был улицей. Он был внутренним пейзажем: багровый туман, сломанные качели, полураспавшийся силуэт дома.

— Ты не должен здесь оставаться, — сказал старик. — Но и пройти дальше не получится, пока не примешь.

Я встал. Комната гудела. Сердце билось так громко, что казалось, стены подрагивают вместе с ним. Я подошёл к изображению на стене. Провёл пальцами по искажённому лицу. Оно было тёплым. Живым.

Комната вскрикнула. Не звуком — вспышкой. Всё исчезло.

Я снова стоял на платформе. Старика не было. Комната — как будто её никогда не существовало. Но в моей руке всё ещё был мяч.

И поезд ждал. Словно знал, что я готов ехать дальше.

Глава 3: "Живое болото"

Дверь вагона открылась беззвучно. Я ожидал увидеть очередную станцию, но вместо этого — в лицо ударил горячий, гнилой воздух. Он был густым, как пар в бане, только не очищающим, а напротив — липким, душным, с привкусом крови и старого мяса. Я вышел из поезда, и рельсы под ногами исчезли, погружаясь в багровую жижу.

Передо мной раскинулось болото — не водяное, а словно из сгустков плоти и гноя. Оно дышало. Его поверхность подрагивала, пузырясь. В глубине этой вязкой трясины плавали отблески костей, лоскутки кожи, полурастворённые предметы — как будто кто-то топил в этом болоте саму память. Вдали на клочьях суши покачивались изогнутые деревья — чёрные, как обугленные пальцы, они издавали хруст, будто кто-то их медленно ломал изнутри.

Шаг был труден. Жижу нельзя было назвать грязью — она прилипала к ботинкам с хлюпающим стоном, а в глубине каждый раз что-то касалось лодыжек. Шептало. Я не мог разобрать слов, но тон — умоляющий, стыдливый, искренний. Будто само болото хотело, чтобы я остановился. Прислушался.

Чем глубже я заходил, тем тише становился мир вокруг. Шум поезда исчез. Шепот болота становился громче. Я различал отдельные фразы:

— Ты ведь знал... — Почему ты позволил ей уйти? — Мы же просили... Я закрыл уши, но голоса звучали внутри черепа. Они царапали, как ногтями по внутренней стенке сознания.

Впереди, сквозь плотную багровую дымку, показалась высокая деревянная конструкция. Не здание — скорее, останки часовни. Она стояла на покосившемся фундаменте из обугленных досок, будто из гнилых костей. Крыша провалилась, но шпиль торчал, как зазубренный зуб в небе.

Я ускорил шаг. Чем ближе подходил — тем сильнее гудело в ушах.

На входе в часовню стояла фигура. Невысокая, в выцветшем плаще, лицо скрыто капюшоном. Она не шевелилась. Я подошёл ближе, и она растворилась, оставив после себя только тонкий обрывок ткани. Он упал к моим ногам, как шелестящий шрам.

Внутри было темно. Свет проникал сквозь трещины в стенах, и казалось, будто сама структура сопротивляется освещению. В центре помещения стоял постамент. На нём — ключ. Он выглядел обычным: старый, железный, с потёртой ручкой. Но когда я взял его в руку — в голове пронеслась вспышка. Я уже держал его. Где-то. Раньше.

На полу, рядом с постаментом, была выцарапана фраза:

Ты уже был здесь. Ты забыл. И ты забудешь снова.

Я резко обернулся. Шепот стал тише. Жижуха за пределами часовни затянул туман. Болото как будто обиделось, отступило. Но не исчезло.

Crimslime

Я сжал ключ и осмотрел часовню внимательнее. В углу, между прогнившими досками, стоял старый сундук.

Почти незаметный, с багровыми пятнами на крышке, он выглядел так, словно его сюда забыли много лет назад. К замочной скважине идеально подходил найденный мною ключ.

Я вставил его. Повернул. С хрустом крышка приоткрылась, и внутри я увидел не содержимое, а пустоту.

Но не просто пустоту — выемку, идеально подходящую под форму. Маленький круглый отпечаток, в который можно было вложить... монету.

Монету, которую я нашел... Тогда — у подножия багрового водопада, среди камней. С одной стороны — символ: кольцо, составленное из глаз. С другой — чужой профиль. Я помнил, как взял её. Как почувствовал тяжесть, будто она знала обо мне больше, чем я сам.

Теперь я понял: она всегда была частью этого места.

Я достал монету из внутреннего кармана — она оказалась там, будто всегда ждала этого момента. Вложил её в углубление. Сундук дрогнул. Изнутри зашевелилась тень. Я шагнул назад, но из сундука ничего не вырвалось — только лёгкое пульсация воздуха.

Внезапно, поверхность монеты засветилась. Изнутри сундука, прямо под углублением, медленно проступили буквы — будто их выдавили изнутри, как рубцы на коже. Надпись была короткой, но ледяной:

Лио.

Я застыл. Сердце ударило в груди гулко, болезненно. Что-то во мне дёрнулось.

Это было не просто имя. Это было — моё имя...

Я опустил взгляд на руки. Они дрожали. И тут же в голове вспыхнули образы — замок на склоне багрового холма, огромные ворота, трещащие от давней ржавчины... Башня с часами. Гул голосов за спиной. Крики. Одиночество.

Я сделал шаг назад от сундука. Комната сжалась. Казалось, воздух стал гуще. Часовня больше не была просто местом — она стала частью воспоминания.

И я понял: путь ведёт туда. К замку.

Глава 4: "Пепельная равнина"

Шагнув за пределы часовни, я оказался не в коридоре, не в поезде и не в болоте. Под ногами больше не было багровой плоти, ни жижи, ни хлюпанья. Только хруст — сухой, пепельный. Я опустил взгляд и увидел, что стою на пепле. Он ложился ровным ковром на землю, как снег, но не таял под ногами, не поднимался в воздух, только трескался под весом шагов.

Передо мной раскинулась равнина. Серая, бесконечная. Всё было покрыто пеплом: обломки деревьев, торчащие из земли, как сломанные кости; искорёженные очертания строений — будто памятники тому, что когда-то было домами, храмами, жизнями. Над равниной не было неба — только тусклая серая пленка, как ткань, натянутая слишком близко к земле.

Пепел поднялся и снова опал, как дыхание мертвеца. Воздух был безветренным, но нестерпимо холодным, словно мир выгорел, и теперь здесь не осталось ни тепла, ни движения.

Вдалеке, сквозь пепельную дымку, мелькнула фигура. Та самая. Женщина в выцветшем плаще. Она стояла, не двигаясь, словно ждала. Но стоило мне сделать шаг — она исчезла, растворившись, как призрак в дыму.

— Подожди... — прошептал я, сам не понимая, зачем.

Ответа не было.

Я продолжил идти. Каждый шаг был как разрез по памяти. Здесь было... что-то знакомое. Дом? Нет. Школа? Возможно. Место, где я был когда-то. Где многое началось. Или закончилось.

На краю поля, среди обломков и пепла, стояла одинокая скамья. Такая, какие бывают у старых подъездов. Я присел. Долго смотрел перед собой, пока не заметил — пепел на земле передо мной шевелится. Медленно, точно кто-то царапает изнутри.

Я встал. Из пепла выступала рука.

Но она не пыталась хватать. Она просто лежала, полусогнутая, с открытой ладонью. Что-то лежало в ней.

Я наклонился и увидел — это был ещё один обрывок ткани. Такой же, как тогда, у входа в часовню. Тонкий, серо-багровый. На нём — вышивка. Кольцо из глаз.

И рядом, на пепле, угольком выведено: «Ты приближаешься». Я выпрямился. Где бы я ни был — я приближался. К правде. К себе. К ней.

И, может быть, к замку.

Позади что-то зашевелилось.

Я медленно обернулся.

Из пепла, с глухим треском, поднималось нечто. Сначала — только обугленные конечности, затем скрюченный силуэт. Это существо походило на человека, но его тело было составлено из золы и кости, а по суставам проходили прожилки багровой плоти. Там, где должно было быть лицо, зиял пустой проём, из которого вырывался дым.

Оно не ревели. Оно просто шло. Молча. Не быстро.

Я отступил, сжал кулаки. Существо неуклонно сокращало дистанцию. В воздухе повис запах сгоревших волос и горячего металла.

Я схватил первый попавшийся обломок — арматуру или трубу — и шагнул навстречу.

Face Monster

Он ударил первым. Его рука разлетелась в пыль, но мгновенно восстановилась.

Это было не сражение — это была проверка. Я не мог убить его полностью, но каждый раз, когда я бил — он отступал, становился менее плотным, более дымчатым.

Наконец, я вонзил обломок прямо в грудь твари. Она застыла. Внутри неё что-то засветилось — едва различимый силуэт: лицо. Её лицо. Женщина в плаще. Она смотрела сквозь него, прямо на меня.

Существо рухнуло. Рассыпалось в пепел.

Я остался стоять один. Сердце билось глухо. Ветер прошёлся по пепельной равнине, будто впервые за всё время, унося с собой последние следы дыма. Там, где исчез монстр, не осталось ничего, кроме лёгкого круга в пепле — как след от костра.

В этом круге лежал предмет. Я наклонился. Это был серебряный кулон — потемневший от времени, с трещиной посередине. На его поверхности была выгравирована надпись, едва различимая: «Для Л.»

Я смотрел на кулон и вдруг понял: буква "Л." — это я. Лио. Я знал это. Я уже знал это. Имя, которое всплыло из глубин разума, теперь пульсировало внутри, отражаясь эхом от всех стен моего сознания.

Я сжал кулон, и вместе с этим жестом вспыхнуло воспоминание. Не яркое, не полное, но болезненно чёткое. Запах дождя. Женский голос, полный тревоги. Обещание. И утрата.

— Она всё ещё здесь. Ты не смог тогда... Но, может, сможешь теперь.

Голос звучал во мне, как память, что отказывается исчезнуть.

Я поднял глаза. На другом краю равнины, сквозь пепел, стояла она.

Та, кого я видел вновь и вновь. Женщина в плаще. Теперь я знал — я когда-то знал её. Не просто фигура. Не просто символ. Она была частью меня. Моей жизни. Моей боли.

Может быть, её звали Лея. Или Эли. Имя ещё не приходило, но чувство — то, что когда-то держал её за руку, слышал её смех, — было слишком острым, чтобы быть ложным.

Пейзаж начинал меняться. Пепел не исчезал — он поднимался в воздух, кружился, превращаясь в чёрные лепестки, осыпающиеся с неба, как пепельный дождь. Равнина сменилась улицей. Искривлённой, перекошенной, но тревожно знакомой. Я знал этот тротуар. Этот перекрёсток. Эти дома. Они были частью моего прошлого — но теперь искажены, как будто растянуты болью и временем.

На стенах домов проступали надписи. Они дрожали, словно написаны дымом: «Ты подвёл её». «Где ты был?» «Это была твоя вина». Фразы, звучавшие когда-то. Может, от неё. Может, от меня самого. Они сменяли друг друга, как шёпот ветра.

Я шёл вперёд. Ни один дом не был цел. В окнах — тьма. В дверях — только пустота. Но сердце стучало чаще. Я приближался. Куда — ещё не знал.

В конце улицы стояла сцена. Как застывший момент. Время остановилось: я видел себя. Испуганного. И её — такую, какой она, возможно, была. Они спорили. Я кричал. Она отворачивалась. Но звуков не было. Только движение. Только суть.

Я подошёл. Медленно. И когда оказался рядом с той версией себя — она посмотрела на меня. Не на него. На меня.
И я впервые сказал:

— Эли...

И всё исчезло.

YOU FAILED
HER

IT WAS
YOUR
FAULT

WHERE
WERE YOU?

Глава 5: "Катакомбы памяти"

Когда круг из пепла замкнулся, а воздух вокруг потяжелел, я почувствовал: что-то изменилось. Пепельная равнина дрогнула под ногами. Звук треска, будто ломаются кости под землёй. Затем — трещина. Не в грунте, а где-то в пространстве. Я сделал шаг — и провалился.

Темнота не была полной. Она дышала. Стены, казалось, сжимались вокруг меня, как если бы я оказался внутри чего-то живого. Из мрака проступили очертания узкого коридора. Каменные стены были влажными, из них сочилась багровая влага, а под ногами — неровные плиты, исписанные странными письменами, полустёртыми и гнилыми.

Катакомбы. Вот на что это было похоже.

Я шёл вперёд, шаги эхом отзывались десятками голосов — моих? Нет, чужих. Или, может, забытых мною. В некоторых нишах вдоль стен стояли фигуры, покрытые пеплом. Они были неподвижны, но казались насторожёнными, как статуи, которые ждут момента ожить.

Справа — тусклый свет. Я повернул. Маленький зал, округлый, с потолком, уходящим в тьму. В центре — багровый отблеск на полу, словно чьё-то дыхание оставило след.

Я почувствовал, как воздух сгустился, напряжённый, будто само пространство ожидало моего решения. В центре зала багровый отблеск дрогнул и угас, оставив лишь след на полу — не символ, а будто отпечаток чьего-то прикосновения. Казалось, это было напоминанием. Или предупреждением.

Слева стена дрогнула, словно от глубокого вздоха. Там открылась трещина — узкий проход, ведущий дальше, вглубь катакомб.

Я пошёл дальше. Коридоры стали уже. Стены — покрыты зеркалами. Они не отражали меня. Только искажённые версии: в одной — я со стеклянными глазами; в другой — без мимики, как восковая кукла; в третьей — с кольцом из глаз на лбу. Все образы смотрели молча, осуждающе.

В одной из галерей зеркала вдруг начали дрожать. Воздух сгустился. И тут я увидел его — Багряного Мимика.

Это существо выглядело как человек, застрявший в вечной муке между формами. Его лицо отсутствовало, вместо него зияла гигантская пасть с множеством зубов — как у лицемонстра, хищная и капающая слизью. На голове — старинный сундук, плотно прирастший к телу, из которого вырывались змеи, сплетённые из вен и шепчущие бессвязные фразы. Его руки — длинные, оканчивавшиеся изогнутыми когтями. Он не нападал сразу. Он смеялся. Глухо, низко. Словно знал меня.

— Вернулся, Лио... — прозвучало откуда-то изнутри. — Снова хочешь открыть то, что прятал сам?

Я отступил, но путь назад уже закрылся. Мимик резко рванулся вперёд, и я едва увернулся. Его движения были неестественными — он изгибался, ломался, будто тело его не знало анатомии. Я достал найденный нож и ударил — тот лишь треснул, но из пасти вырвался хохот.

Из бокового тоннеля внезапно выползло новое существо — загнивающий упырь. Его кожа висела клочьями, глаза были затянуты плёнкой, из рта свисал червивый язык. Он двинулся медленно, но с каждым шагом в воздухе становилось труднее дышать. Запах гнили впивался в горло, как нож.

Crimson Mimic

Я оказался между ними. Мимик смеялся. Упырь шипел. И тут из потолка сорвался третий враг — Ихорный Прилипала: багровый паразит, напоминающий слизь, но с хищной пастью и присосками, которые впивались в плоть. Он попытался сесть мне на плечо, но я сбросил его, отбросив ногой.

Мне пришлось сражаться со всеми сразу. Я ударял, уворачивался, ловил их слабые места. Упырь оказался медленным, но уязвимым к свету — я разбил фонарь, направив его свет прямо ему в лицо. Он заорал и рассыпался в пепел.

Ихорный Прилипала извивался, пытаясь вновь запрыгнуть мне на плечо, но я схватил обломок зеркала, валявшийся рядом, и метнул его с силой. Острый край вонзился в слизистую массу — и тогда я понял: он чувствует боль. Я схватил ещё один осколок, затем ещё. Каждый удар разрывал его оболочку, и с каждым разом он становился всё менее цельным. Я смог пробил его ядро — тёмное, пульсирующее. Существо взвизгнуло высоким, почти детским голосом и растеклось по полу, оставив после себя только пятно и запах разложения.

Багряный Мимик замер, тяжело дыша сквозь щели в своей пасти. Его змеи шептали всё тише. Он не напал вновь. Просто выпрямился — насколько мог — и посмотрел на меня пустотой, где должно было быть лицо.

— Её голос звучит громче, чем ты помнишь, — выдохнул он. — Но не всё, что кричит, зовёт тебя домой.

Он наклонил голову вбок, как будто прислушался к чему-то внутри себя. Затем сундук на его голове раскрылся, змеи исчезли в воздухе, а тело Мимики рассыпалось багровыми лепестками, исчезая в воздухе. На полу осталась только маска. Безликая. Но тёплая.

Я поднял её. Вместе с ней — ключ. Такой же, как я уже видел раньше.

Впереди открылся новый проход. Узкий, обрамлённый багровыми корнями. Я шагнул в него. Позади — пепел, мрак и эхо прошлого. Впереди — сердце катакомб. Я был готов узнать, что скрыто глубже.

И, возможно, увидеть её снова. Ту, которую я потерял. Или никогда не знал до конца.

Где-то в глубине что-то ждало. Замок приближался.

Проход вёл вниз по узкой спиральной лестнице, прямо в камне. Каждый шаг отзывался глухим эхом, словно лестница вела не только в глубину катакомб, но и во что-то более древнее — в пласт воспоминаний, которых я не хотел касаться.

The Rotting Ghoul

The Ichor Leech

Стены выглядели как застывшая ткань, исписанная рунами, похожими на порезы на коже. И они пульсировали. Медленно. Как будто всё ещё жили.

На одном из витков я замер. В нише сидела фигура. Она не двигалась. На первый взгляд — статуя. Но когда я приблизился, она открыла глаза.

Это был мальчик. Совсем юный. Его глаза были мутными, губы — сжаты в болезненной линии. Он держал в руках книгу. Обгорелую, без названия. Я знал эту книгу. Это был мой дневник. Один из тех, что я сжёг когда-то давно. Он посмотрел на меня:

— Ты так и не прочёл, что написал в конце.

Я хотел спросить, кто он, но уже знал ответ. Это был я. Младший. Один из моих осколков.

— Я остался здесь, — сказал он. — Чтобы помнить. Чтобы ты не забыл, зачем всё это началось.

Он протянул мне страницу. Я взял её, и она обожгла пальцы. Слова были размыты, но одно я различил отчётливо: «Элиара».

Я поднял глаза — он исчез. Осталась только пыль. И дневник, который теперь был в моей руке. Я спрятал его за пазуху. Что бы ни было дальше, мне нужно было это сохранить.

Лестница закончилась. Впереди был зал. Он был огромен. Потолок терялся в багровой дымке, а стены уходили в бесконечность. В центре зала — висящий в воздухе фрагмент... чего-то. Камня? Плоти? В нём отражался замок. Он дрожал, как мираж, но был настоящим. А вокруг — десятки зеркал. Все они смотрели на меня. Во всех — моё отражение. Настоящее. Ложное. Будущее. Разбитое.

И в каждом из них — позади меня стояла она. Та самая женщина в плаще. Она не двигалась. Но я чувствовал её взгляд. Холодный. Печальный.

Я сделал шаг — и зеркала треснули. Все сразу. Их крики заполнили зал. Пространство завибрировало, и передо мной выросла дверь. Массивная. Органическая. С сердцем посередине. Сердце билось.

Я подошёл ближе. Из дневника выпала вторая страница. Там были слова: «Ты не откроешь эту дверь, пока не простишь себя».

Глава 6: "Замок Гравес"

Я сжал лист, ощущая, как внутри поднимается буря. Простить себя? За что? За то, что не спас? За то, что сбежал? Или за то, что до сих пор живу?

Сердце на двери билось быстрее. Я сделал шаг — и оно дрогнуло.

Створки начали медленно раскрываться, раздвигаясь, как веки, в которых теплился кошмар. Внутри — не мрак. Багровый свет лился откуда-то сверху, из купола, которого не было.

Я вошёл.

Замок встретил меня тишиной. Это был не просто замок — он был построен из моей боли, моих страхов, моей памяти. Стены были живыми — будто ткань, наложенная на кость. Они пульсировали, медленно, как дыхание спящего чудовища. Повсюду — зеркала. Но теперь в них не было отражений. Только пустота. Как если бы я наконец перестал себя в них видеть.

Я прошёл по узкому коридору. Он вёл к залу. Тронному? Возможно. Купол терялся в багровом дыму. В центре — мост из стекла, под которым — бездна. А на другом конце — трон. И на нём — никто. Но над ним парила корона. Странная. Из живой плоти, сплетённой с металлом. Она пульсировала, а вокруг неё — кольцо из глаз. Замерших. Смотрящих.

Я шагнул на мост. Под ногами отразился я. Но в каждом шаге — другой Лио. Один — сгорбленный, другой — злой. Один — мёртвый. Один — счастливый. Впервые.

Я добрался до трона. И тогда услышал шаги за спиной. Я обернулся — и увидел вновь её. Женщина в плаще. Но теперь капюшон был откинут. Я знал её лицо. Элиана. Моя жена. Моя любовь. Моя потеря.

Она не говорила. Но её глаза сказали всё. В них было то, чего я боялся больше смерти: принятие. Она простила меня раньше, чем я смог простить себя.

Мир вокруг затрепетал. Пол под ногами дрогнул. Стены замка словно задышали. Замерли — и замок начал меняться. Я оказался в зале — другом. Он был старше. Древнее. В его центре — алтарь. На нём лежал предмет, что появился во всех символах. Настоящее кольцо. Кольцо из глаз.

Я понял. Это — сердце этого мира. Артефакт, питающий всё. Все коридоры, катакомбы, ужасы. Всё, что я встретил — рождалось отсюда.

Этот мир — моя память, моя вина, моя боль. И каждый монстр — часть меня. Ползун страха. Мимик обмана. Прилипала зависимости. Загнивающий упырь — сожаление.

Я смотрел на кольцо. Оно пульсировало, как живое. Оно манило. Надень меня. И ты останешься. Ты станешь графом, как прежде. Хозяином. Здесь безопасно. Здесь память. Здесь она.

Я видел, как Элиана стоит в тени, молчит. Не умоляет. Не давит. Только смотрит — с болью, но и с верой. Как тогда. Перед тем, как я потерял её навсегда.

Я протянул руку — и взял кольцо. Оно было тёплым. Почти живым. В тот миг я понял: не оно держит меня. Я сам держусь за него.

Я сжал его — и бросил на камень. Звук удара прокатился, как гром. Кольцо не разбилось — оно закричало. Замок задрожал. Стены начали рушиться. Воздух дрожал, как плёнка. Крики монстров смешались в едином вопле — и растворились.

Я чувствовал, как рушится мой внутренний мир. Но впервые — не со страхом. А с облегчением.

Свет. Внутри. Всё вокруг растворилось. Я стоял на границе: либо остаться — в иллюзии, в прошлом, в боли. Либо — принять. Простить. Жить.

И вдруг услышал голос. Её голос. Элиана: — Ты можешь идти. Я с тобой. Всегда.

Я обернулся. Она улыбалась. Не тенью. Настоящей улыбкой. Той, которую я боялся больше не вспомнить. Не отражением, не видением — а настоящей, живой.

Мир светился. Не багрово. По-другому. Тепло. Живо. Словно впервые за долгое время я чувствовал свет, не как угрозу, а как утешение. Я чувствовал, как внутри меня — что-то отпустило. Крепко держало, сжимало, прятало во тьме... а теперь — распалось.

Все образы, всё, что я видел, всё, через что прошёл — начинало исчезать. Не умирать. Уходить. Как всё, что когда-то было важно, но должно стать воспоминанием. Монстры, которых я сражал, страхи, от которых убегал, даже сам этот замок — они были не врагами. Они были мной. Они были моей болью, виной, сожалениями. И теперь я их признал. Не изгнал, не уничтожил — принял.

Я понял, зачем я оказался здесь. Это было не место. Это был путь. Через слои себя. Через искажения. Через боль. Этот замок, кольцо, даже сам титул — Граф Гравес — были лишь иллюзиями, одеждой, которой я прикрывал пустоту. Элиана... она была не только тем, кого я потерял. Она была той частью во мне, которая осталась светлой. Которая верила.

В последний раз я взглянул на алтарь. Там ничего не осталось. Ни кольца. Ни тронов. Ни боли. Только тишина. Спокойная. Мирная.

Только свет. И я сделал последний шаг — туда, где кончается страх и начинается жизнь.

Глава 7: "Возвращение"

Свет пробивался сквозь веки — мягкий, неестественно белый, как у флуоресцентных ламп. Запах был знаком — антисептик, чистота, холодные стены. Где-то пищал прибор, отмеряя ритм жизни. Я открыл глаза.

Потолок был белым. Плитка. Трещинка в углу. Шевельнулся — тело болело. Не так, как раньше. Настоящая боль. Телесная. Значит... я жив. Рядом что-то шевельнулось. Мужчина в халате. Врач. С усталым лицом, но с мягкой улыбкой:

— Ты наконец вернулся.

Я смотрел на него, не сразу понимая. Слова доходили, как сквозь воду. Врач продолжил:

— Две недели. Кома после аварии. Мы не знали... но вы боролись. Это было видно.

Авария. Что-то мелькнуло — свет фар, крик, кровь... И тьма. А потом — багровый лес. Кольцо. Замок. Элиана.

Я сел медленно, ощущая, как тяжесть реального мира возвращается в кости. Рядом, на прикроватной тумбе — фотография. Я. Эли. На берегу. Мы смеёмся.

Сердце сжалось. Но не от боли. От тепла. Воспоминание было не раной — частью меня. Не криком — голосом.

Я провёл пальцами по фотографии. В голове эхом звучал её голос: "Ты можешь идти. Я с тобой. Всегда".

Врач что-то говорил, но я слышал только ритм монитора. Как отсчёт. Новый отсчёт. Жизни, которую я должен прожить заново — уже зная, кто я. Уже не убегая.

Я вышел в коридор. Больница была пуста. Или казалась такой. Я шёл медленно, опираясь на костыли. Ноги дрожали, но слушались. Тело было слабым, но живым. Каждое движение было настоящим. Впервые за долгое время — настоящим.

Я знал: Элианы больше нет. Но она была со мной. В каждом шаге, в каждом взгляде на небо, в каждом отблеске света.

Я больше не был Графом. Не был тенью. Я был Лио. Просто человек. Живой. И живущий.

Я добрался до входа, открыл дверь. Воздух был холодным, чистым. Мир не изменился. Но я — да.

И когда я поднял взгляд к небу, в нём не было багрового мрака. Только утренний свет. Простой. Спокойный.

Я закрыл глаза и вдохнул глубже, позволяя воспоминаниям пройти сквозь меня — не как груз, а как подтверждение того, что я жил, чувствовал, любил. Я больше не боялся их. Не отталкивал. Не винил себя. Каждый шаг, каждый выбор, каждая потеря были частью меня, частью пути, которым я стал тем, кто сейчас стоит на пороге новой жизни.

Память — это не боль. Это то, что делает нас живыми.

Count Graves

Lio Graves

